

УДК 808.2–085.3–313.1

Ю. Н. ЧАГАЙДА

МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГЕРОЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Беларусь, e-mail: chagaida@lenta.ru*

Представлена методика создания ономасиологического портрета героя художественного произведения. Она основывается на рассмотрении теоретических вопросов, определяющих сущность ономасиологического портрета, пошаговом обосновании механизмов его построения, а также установлении приемов для базового распределения номинативных единиц в художественном тексте.

Ключевые слова: методика создания ономасиологического портрета персонажа, номинативные единицы, ономасиологические уровни, когнитивные планы, когнитивная модель персонажа.

Y. N. CHAGAIDA

METHODS TO CREATION ONOMASIOLOGICAL PORTRAIT OF THE FICTION WRITING CHARACTERS

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of National Academy of Sciences,
Minsk, Belarus, e-mail: chagaida@lenta.ru*

Article presents methods to creation of onomasiological portrait of the fiction writing character. It based on the consideration of theoretical issues that define the essence of onomasiological portrait, systematic justification of its construction mechanisms, as well as establishing techniques for the underlying distribution of nominative units in a literary text.

Keywords: methods to creation onomasiological character portraits, nominative units, onomasiological levels, cognitive plans, cognitive model character.

В современной лингвистической науке широкое распространение получило понятие «картина мира», применяемое как универсальное обозначение истолкования языкового и текстового материала, его аксиологического и концептуального аспектов. Компактность и образность данного определения «делают его весьма удобным для обозначения любой информации, полученной из языковых фактов, а также лишают его терминологической определенности, а следовательно, и результирующей силы» [3, с. 32]. По этой причине возникла потребность в том, чтобы обратиться к более «прозрачной» форме описания языкового материала, которой является ономасиологический портрет. Именно ономасиологическое портретирование обеспечивает комплексный анализ языкового и текстового материала и дает возможность получить последовательное объективное представление об исследуемой реалии.

В данной статье предлагается универсальная авторская методика создания ономасиологического портрета персонажа, применимая к любому художественному произведению. Она основывается на рассмотрении теоретических вопросов, определяющих сущность ономасиологического портрета, пошаговом обосновании механизмов его построения, а также установлении приемов для базового распределения номинативных единиц в художественном тексте. В качестве фактического материала для создания ономасиологического портрета избраны военные произведения В. Быкова («Сотнікаў», «Жураўліны крык») и Б. Васильева («А зори здесь тихие», «В списках не значился»). Использование различных художественных текстов на каждом этапе

создания ономаσιологического портрета проводится для того, чтобы привлечь как можно больше языковых данных (в том числе данных разных языков), что обеспечивает объективность разработанной методики и позволяет говорить об экстраполивании полученных результатов на все рассматриваемые произведения. Именно пошаговая систематизация языкового и текстового материала дает возможность последовательно получить конкретные результаты, т. е. создать в итоге когнитивную модель персонажа с целью подтверждения типичности ономаσιологических портретов действующих лиц.

Впервые в научный обиход термин «портрет» был введен академиком Ю. Д. Апресяном как жанр лексикографического описания. По мнению ученого, лексикографический портрет складывается из трех компонентов: семантико-прагматического представления языковой единицы; характеристики ее коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических и стилистических свойств; информации о семантических связях значений данной языковой единицы с другими значениями в словаре [1, с. 55–56]. Главное отличие лексикографического портрета от обычного словарного описания лексемы состоит «в насыщении словарной статьи новой информацией, необходимость которой продиктована требованиями интегральности описания» [1, с. 55–56].

Детальную разработку понятие «ономаσιологический портрет» получило также в трудах уральских этнолингвистов, которые особое внимание уделяют воссозданию образа человека по данным русских народных говоров (в том числе и в сравнении с данными других форм функционирования языка). Итогом таких исследований является «портретная галерея» присущих человеку качеств и свойств: *ума и глупости* [5; 15], *лени и трудолюбия* [13], *щедрости и скупости* [12], *порядочности* [2]. С указанных позиций осуществляется также анализ диалектных названий насекомых [14], обозначений различных видов продуктов и свойств пищи (*кислый, пресный, соленый, постный*) [17].

Особую значимость приобретают работы уральских ученых, которые создают ономаσιологический портрет с точки зрения этнолингвистики, выявляя при этом общие принципы его построения и особые черты. Так, Е. Л. Березович и М. Э. Рут, рассматривая структуру ономаσιологического портрета в соответствии с представлением о ступенчатости процесса наивно-языковой концептуализации, выделяют уровни фиксации тех или иных черт объекта и их последующей интерпретации и оценки. Соотношение уровней, по мнению исследователей, может быть различным: «не продленный интерпретационным уровнем, уровень фиксирующий обрабатывается простым фотографированием объекта» [3, с. 36]. Другими словами, построение ономаσιологического портрета нуждается в строгом обосновании, что может быть достигнуто путем всестороннего освещения исследуемой реалии.

В белорусской лингвистике в рамках ономаσιологического подхода осуществлялось исследование диалектной лексики. Так, в работе Н. М. Бунько исследованы энтомологические наименования *божая кароўка, мурашка, чмель* в говорах белорусского языка с точки зрения их распространения и происхождения, выявлены мотивационные признаки, положенные в основу производных энтомологических названий, установлен семантический объем энтомологических наименований и охарактеризованы особенности их фонетической, словообразовательной и морфологической вариантности [6]. Ю. В. Малицким изучено территориальное распределение мотивационных особенностей названий рыб, характерных для говоров белорусского языка, выделены регионы в соответствии с приоритетными путями формирования ихтиологических наименований, выявлена мотивация номинативных единиц и типологизированы мотивационные показатели, положенные в основу каждого названия [16]. Ономаσιологическая словопроизводственная модель для анализа номинаций внутри номенклатурных и терминологических групп была разработана А. И. Шабловским. Данная модель включает следующие феномены: ономаσιологический контекст, референтный корпус, ономаσιологическую доминанту, тип мотивационных отношений, ономаσιологический способ. Особо следует отметить тот факт, что в конструктивной словопроизводственной модели А. И. Шабловского тип мотивационных отношений задает системные характеристики номинаций. Совокупность таких характеристик классификационно распределяется на основе структурных связей простого предложения [20]. Работая с номинациями вне контекста, автор проводит морфологическую индексацию, т. е. апеллирует к частям речи.

В нашей статье рассматриваются контекстные (дискурсно обозначенные) номинации. По этой причине есть смысл в том, чтобы осуществить морфолого-синтаксическую индексацию по принадлежности к морфологическому классу и синтаксической функции одновременно.

Источники для создания ономаσιологического портрета очень разнообразны: однокоренные слова, клишированные сочетания слов (речевые штампы, фразеологизмы и малые фольклорные жанры: пословицы, поговорки), наблюдения за онимизацией апеллятивов, за сочетаемостью в рамках художественного текста, за парадигматическими связями (синонимы, антонимы, паронимы, семантические дериваты) [4, с. 34]. По мнению В. В. Виноградова, «нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для создания образа» [10, с. 42]. Такое разнообразие источников одновременно многообещающе и опасно, потому что предоставляет в распоряжение исследователя богатую, но пеструю информацию, т. е. такую, которая плохо поддается структурированию.

Между тем именно структурность делает ономаσιологический портрет причиной и следствием лингвистического анализа, выводит его из области искусства в сферу научных методик. В этой связи важным является выделение наиболее значимого, объективно содержательного языкового и речевого материала, чтобы предметно ограничить фактологическую сферу. Двигаясь в этом направлении, некоторые исследователи остановились на номинативных моделях, то есть на фактах воплощения в лексических единицах того или иного знания об объекте действительности. Так, В. В. Воробьев исследовал языковые связи лексем *русский* и *француз* и получил перечень черт русской (широта души, всемирная отзывчивость, религиозность, гостеприимство, щедрость, жертвенность) и французской (галантность, энтузиазм, скептичность, расчетливость, темпераментность, беспечность, практичность, непостоянство, остроумие, оптимистичность) языковой личности [11]. Однако для создания ономаσιологического портрета персонажа важным является всестороннее рассмотрение номинаций со значением лица, а не изучение отдельного концепта. Поэтому односторонность существующих подходов обусловлена тем фактом, что наличие предварительных «предметных фильтров» слабо связано с идейно-художественным содержанием текста.

В связи с ономаσιологическим портретированием, на наш взгляд, анализу должен подвергаться предметно связанный фактический максимум, а не «отфильтрованный» по системной характеристике материал. Только в этом случае появляется возможность для того, чтобы корректно определить, как та или иная номинативная единица (слово и словосочетание) включается в художественный текст и какую роль играет при передаче идейно-художественного содержания. Работа с предметно связанным текстовым материалом предполагает акцент на формальные аспекты номинативных единиц. Именно с опорой на формально выраженные грамматические и структурные характеристики номинаций в данной статье рассматриваются вопросы, сопряженные с феноменологией ономаσιологического портрета и методами его создания.

Ономаσιологическое портретирование основывается на пошаговой систематизации языкового и текстового материала с точки зрения формы и содержания. Ее цель – получить последовательное формализованное представление об описываемой реалии, т.е. о герое художественного произведения. Главная задача, которую необходимо решить при создании ономаσιологического портрета действующего лица, – это задача методологическая. Она включает в себя следующие аспекты: 1) выявление значимых форм группирования номинативных единиц; 2) постулирование основных ономаσιологических понятий, значимых при создании ономаσιологического портрета персонажа. При раскрытии этих аспектов необходимо проанализировать предикативные и непредикативные номинации.

Пошаговая систематизация языкового и текстового материала, включающая в себя 7 этапов, проводится с учетом структурно-семантического и когнитивного подходов. В рамках *структурно-семантического подхода* осуществляется системная классификация номинаций по синтаксическим и парадигматическим характеристикам, устанавливаются связи и соотношения между ономаσιологическим планом художественного произведения и его идейным содержанием и прагматическим фоном, а также создается специфическая структура распределения номинативных единиц, составляющих портрет персонажа (ономаσιологический контекст – онома-

сиологический корпус – ономасиологический способ – ономасиологический уровень). С точки зрения *когнитивного подхода* выявляются системные содержательные основания (когнитивные планы), необходимые для различения персонажей художественных текстов и позволяющие проследить за динамикой каждого из действующих лиц.

Алгоритм пошагового создания ономасиологического портрета включает в себя анализ: 1) предикативных и непредикативных номинаций; 2) раздельнооформленных и нераздельнооформленных номинаций; 3) ономасиологических уровней (событийный, прагматический, коммуникативный); 4) ономасиологического корпуса номинаций (референтный и отсылочный); 5) ономасиологического способа (авторское, рефлексивное и ретроспективное повествование); 6) когнитивных планов (свой / чужой, герой / предатель, активный / пассивный, успешный / неуспешный); 7) ономасиологической модели персонажа. Фактический материал исследуется нами на разных этапах на материале различных произведений: 1–3-й этапы – на материале повести В. Быкова «Сотнікаў», 4–5-й – на материале повести Б. Васильева «А зори здесь тихие», 6-й – на материале романа Б. Васильева «В списках не значился», 7-й – на материале повести В. Быкова «Жураўліны крык». Предикативные и непредикативные номинации являются связующим звеном методологических этапов создания ономасиологического портрета героя художественного произведения. Это значит, что данные номинации, рассматриваемые на материале разных произведений и представленные на каждом из этапов с учетом анализа различных языковых и текстовых уровней (1-й этап – синтаксический уровень, 2-й – структурный уровень, 3-й – семантический, 4-й – функциональный уровень непредикативных номинаций, 5-й – нарративный уровень, 6-й – когнитивный уровень, 7-й – когнитивно-моделирующий уровень), позволяют в итоге построить ономасиологический портрет персонажа и создать его когнитивную модель.

Итак, **первый этап создания ономасиологического портрета персонажа** предполагает выявление ономасиологического контекста – совокупности всех текстовых фрагментов (предикативных и непредикативных), которые прямо или отсылочно связаны с героем художественного произведения. Предикативные номинации в этом случае являются сказуемыми в предложении, отражают типичные для героев действия или состояния: *...ён [Сотников] адчуў сябе зусім блага і аж спалохаўся...* [7, с. 255]; *Рыбак даволі ўпэўнена крочыў наперадзе, трымаючыся бліжэй да лесу* [7, с. 258].

Непредикативные номинации представляют собой имена действующего лица в функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения, а также обращения: *Каторы ўжо раз Рыбак азірнуўся і збавіў кроку – Сотнікаў ледзь прыкметна варушыўся заду* [7, с. 247], *Сынок [Сотников], ды што ж гэта з табой? – заўважыўшы нешта нядобрае ў ім, іншым голасам загаманіла кабета* [7, с. 276]. Таким образом, только одновременное рассмотрение предикативных и непредикативных номинаций позволит нам дать всестороннюю оценку образу персонажа.

Второй этап создания ономасиологического портрета персонажа связан с исследованием непредикативных номинаций в структурном плане. В этой связи мы выделяем цельнооформленные (однословные) и раздельнооформленные (неоднословные) единицы. Например: *Рыбак далёка выскачыў наперад і доўга шыбаваў па касагоры* [7, с. 255]; *Ой, сыночак <...> пашкадуй дурнога!* [просила старостиха Рыбака не уводить мужа] [7, с. 271]; *Коля Рыбак з ім (с конем) ладзіў няблага <...> Седзячы на высокім возе са снапамі, Коля важна ехаў у вёску на сваё гумно* [7, с. 368–369]; *Ну, як справы, малады чалавек?* (обращается отец к Сотникову) [7, с. 376]; *Сотнікаў зноў адстаў і ўсё яшчэ стомлена гробся па схіле* [7, с. 250].

На третьем этапе создания ономасиологического портрета персонажа мы выделяем три базовых ономасиологических уровня, в которых функционируют как предикативные, так и непредикативные наименования героев любого художественного произведения: *событийный, прагматический и коммуникативный*. Именно эти уровни формируют содержательные основания для дальнейшей предметной классификации номинативных единиц.

Событийный уровень предполагает сюжетное сосуществование с героем как с субъектом действия или состояния. Этот уровень максимально приближен к фабуле произведения. Он формируется совокупностью номинаций и текстовых фрагментов, которые отражают все, что герой воспринимает и совершает. При этом основное содержание данного уровня образуют непредика-

тивные номинации, выраженные именами собственными и личными местоимениями в функциях подлежащего: *Рыбак* *закінуў за спіну карабін і аберуч узяўся за гладкае сухое тапарышча* [7, с. 265]; *Сотнікаў* *першы спрабаваў падняцца <...> і ён прутка выцягнуўся на снезе* [7, с. 303].

На ближайшей периферии событийного уровня находятся предикативные конструкции с глаголом совершенного вида в составе простого, сложносочиненного, сложного бессоюзного предложений, предложений с разными видами связи, а также в главной части сложноподчиненных предложений. Данные номинации сопряжены с событийным фоном произведения, т.е. описывают особенности действий и поведения героев: *Рыбак* *зблізку неяк уважліва паглядзеў на сябра* [7, с. 254]; *Сотнікаў* *задышліва прыціх на лаве, а Рыбак у клопоткім роздуме зірнуў у акно* [7, с. 316]; *Сотнікаў* *знямогла заплюшчыў вочы, схуднелы, з адраслаю бародкай яго твар ледзь шарэў на саломе* [7, с. 354]; *Сотнікаў* *знерухомеў на лаўцы, мусіць, заснуў, а Рыбак перасеў у куток ля акна і стаў пазіраць з-за вушака на сцезку, каб адразу ўбачыць, калі хто будзе ісці на падворак* [7, с. 310]; *Зразумеўшы, урэшце, што трэба шукаць новае выйсце, Рыбак вярнуўся да студні* [7, с. 251].

Прагматический уровень предполагает, что герой является действующим лицом, которое не участвует в речевом общении, но поведение и поступки которого являются объектом для прямых (авторских) или косвенных (от лица других героев) оценок. В этой связи персонажу дается качественная или количественная характеристика. В первом случае оценка осуществляется по шкале «хорошо – безразлично (нулевая оценка) – плохо», во втором – по признаку «больше нормы / меньше нормы». Мнение, выраженное персонажем, субъективно, оно может варьироваться от ‘+’ до ‘-’ в зависимости от интенции этого персонажа. И тогда, как справедливо замечает В. Н. Телия, «практически все оценки относительны, так как они зависят от эмпатии, а потому большинство оценочных значений амбивалентны: они меняют свой ‘+’ на ‘-’ в зависимости от ценностной ориентации» персонажа [19, с. 110]. Специфика оценочной номинации заключается в том, что, употребляя ее, герой художественного произведения «выражает не только определенное интеллектуальное содержание, но и оценочное отношение к языковой единице и через нее к обозначаемой ситуации» [18, с. 44–45].

Ономасиологической базой прагматического уровня являются непредикативные номинативные единицы, выраженные именами собственными и нарицательными, личными и указательными местоимениями в функции дополнения, а также в функции подлежащего (в конструкциях с глаголами несовершенного вида, в конструкциях с глаголами мысли и чувства, а также в составе придаточной части сложноподчиненного предложения). Например: *Пакінуўшы таварыша на снезе, Рыбак* *паплёўся ўгору* [7, с. 297]; *Найгоршай для Сотнікава было ў тым, што гэта быў яго першы і яго апошні франтавы бой* [7, с. 258]; *Сотнікаў* *падумаў, што той [Рыбак] нешта ўбачыў* [7, с. 255].

На ближайшей периферии прагматического уровня находятся:

– предикативные номинации со значением мысли и чувства, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида: *Рыбак* *разумеў, што пачынала ўсур’ёз не шэңціць* [7, с. 252];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида в составе придаточной части сложноподчиненного предложения, во фрагментах авторской речи, а также в безличном употреблении: *Нарэшце Рыбак* *першы ўзлез на пагорчак і падумаў, што, мабыць, ён памыліўся – мусіць, хутар стаяў трошкі далей* [7, с. 250]; *Рыбаку* *рабілася ўсё цяплей, ён расшпіліў на два гузікі свой кажушок і піхнуў з лоба шапку* [7, с. 268];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме несовершенного вида в составе простого, сложносочиненного, сложного бессоюзного предложений, предложений с разными видами связи, а также в главной части сложноподчиненных предложений: ... *Рыбак* *наперадзе рупна шаптаў ботамі ў снезе; увесь час ён нецярпліва імкнуўся наперад, і Сотнікаў адставаў* [7, с. 254];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме совершенного и несовершенного вида будущего времени: *Заўтра ён [Рыбак] скажа следчаму, што хадзіў у разведку* [7, с. 372];

– предикативные номинации, глагольный компонент в которых употребляется в форме условного наклонения: *Тады ўжо ён [Сотников] бы абрушыў на іхнія галовы такое, чаго ім і не снілася* [7, с. 259].

К **коммуникативному уровню** относится все, что связано со сферой диалога, информационного обмена между персонажами. Ономасиологической базой данного уровня являются не-предикативные номинации, которые либо именуют коммуникантов, либо присваивают участникам диалога определенные ролевые функции, либо выражают их оценочные характеристики: *Сотнікаў! Сотнікаў! – Вядома, гэта Рыбак. Сотнікаў пазнаў яго басавіты голас* [7, с. 291]; *От дзякуй, сыноч! Хай табе бог дае здароўечка, – лагодна дзякавала цётка [когда Рыбак помог ей распилить дрова]* [7, с. 265]; ... *а я, брат, у пяхоце ўсю дарогу топаю* [рассказывает Рыбак Сотникову про свою жизнь] [7, с. 254].

На ближайшей периферии коммуникативного уровня находятся глаголы речи во фрагментах авторской речи, которые оформляют прямую, косвенную речь, диалоговые реплики. Данные номинации характеризуют героев в процессе коммуникации: *Давай, давай! Бягом! – гукнуў ён [Рыбак] да Сотнікава* [7, с. 281]; ... *ён [Рыбак], мабыць, і не заўважыў, што стала з напарнікам [с Сотниковым], які і не азваўся, не крыкнуў, бо ведаў: яго ратаваць позна* [7, с. 285].

Таким образом, распределение номинативных единиц по ономасиологическим уровням позволяет определить характерные языковые средства, используемые в художественном произведении, а также выделить наиболее значимые из них в характеристике образов действующих лиц.

На **четвертом этапе создания ономасиологического портрета персонажа** вводится понятие *ономасиологического корпуса*. Он представляет собой совокупность номинативных единиц, составляющих ономасиологический контекст и систематизированных по синтаксической функции. Всего таких корпусов два – контекстный отсылочный и контекстный референтный корпусы.

Референтный корпус задается совокупностью наименований героя, которые встречаются в тексте в функции подлежащих. По отношению к старшине Васкову (герой повести Б. Васильева «А зори здесь тихие») референтная иерархия выглядит следующим образом: *он*¹ (168), *старшина* (117), *Васков* (92), *Федот Евграфыч* (82), *комендант* (25), *старшина Васков* (4), *отец капитана* (2), *комендант разъезда* (1), *пенек замшелый* (1), *хмурый старшина Васков* (1), *старикан* (1), *командир* (1).

Наименования персонажа, которые выступают в функции дополнения, определения (в том числе и обособленного), именной части сказуемого и обращения, составляют **отсылочный корпус** героя: *Федот Евграфыч*² (37), *товарищ старшина* (33), *Васков* (30), *он* (22), *комендант* (11), *старшина* (10), *старшина Васков* (4), *Федот* (3), *старик* (3), *командир* (2), *Федя* (2), *товарищ старшина Васков* (2), *товарищ комендант* (1), *комендант тихого 171 разъезда* (1), *Федот Евграфыч*² *Васков* (1), *товарищ старшина среднего рода* (1), *передаточная шестерня огромного, заботливо отлаженного механизма* (1), *Федот Васков* (1), *Евграфыч* (1), *утопленник* (1), *исполнитель* (1), *сверхсрочник* (1), *старикан* (1), *брат* (1), *писатель* (1), *медведь* (1), *медведь глухоманный* (1), *душка-военный* (1).

Различение референтного (1) и отсылочного (2) корпусов проводится именно в рамках ономасиологического контекста. Смысл такого различения заключается в том, чтобы выяснить, насколько объективированной является информация о герое, т. е. насколько авторский план коррелирует с тем, как герой выглядит в глазах окружающих (1), а также с тем, как герой встраивается в событийный план повествования (2).

Пятый этап создания ономасиологического портрета персонажа связан с исследованием ономасиологического способа, т. е. характера сюжетного накопления номинативного материала. К ономасиологическим способам в данном случае мы относим:

– **ретроспективное повествование** (воспоминания героя): *И вспомнил вдруг Васков, когда диверсантов считал, что из лесу выходили* [8, с. 120];

– **актуальное повествование** (авторская позиция): *Пока бойцы завтракали и готовились к походу, старшина увел сержантский состав к себе на совещание* [8, с. 28]; *Опыт он имел – не только боевой, но и охотничий* [8, с. 85];

¹ В скобках указывается количество употреблений номинативных единиц.

² Номинации, отражающие количественную характеристику персонажей, представлены в начальных формах.

– **рефлексивная форма повествования** (мысли, чувства, переживания персонажа): *Господи, совсем он с ними [с личным составом] запутался: то не стоять, то стоять. Как бы не испугались, в панику не ударились. Паника в трясине – смерть* [8, с. 40].

На **шестом этапе создания ономаσιологического портрета персонажа** рассматриваются 4 когнитивных плана – *успешный / неуспешный, свой / чужой, герой / предатель, активный / пассивный*.

Когнитивный план успешный / неуспешный является своеобразной точкой отсчета в характеристике образа персонажа. Когнитивный признак *успешный* несет в себе значение полной уверенности, необходимости, долженствования, *неуспешный* – формирует значение предположения, сомнения.

Когнитивный план свой / чужой связан с ценностным планом повествования. Это проявляется в виде оппозиции «хороший / плохой» с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит чужому миру. **Когнитивный признак свой** является характерным для персонажей, которые применяют свои воззрения и действия к пределам государственной границы. **Когнитивный признак чужой** несет в себе значение дистанцирования, отдаления действующих лиц от окружающих их людей.

Когнитивный план герой / предатель связан с представлением о важности и необходимости сохранять верность общечеловеческим идеалам. **Когнитивный признак герой** является характерным для персонажей, которые оказываются способными преодолеть страх перед опасностью и готовы принести себя в жертву. **Когнитивный признак предатель** – для действующих лиц, которые ‘предают кого-либо или что-либо’.

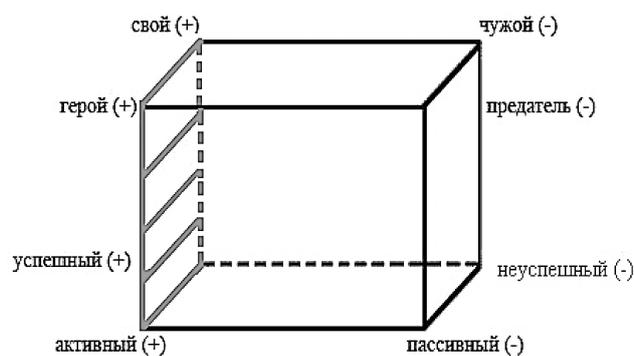
В основе **когнитивного плана активный / пассивный** лежит интенсивно-результативный способ действия, который отражает меру деятельности, реализуемую героями художественного произведения.

Данные когнитивные планы представляют собой системные содержательные характеристики образа персонажа, которые мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного произведения определенных поведенческих качеств, а также позволяют обнаружить языковые феномены, которые задают содержание ономаσιологического портрета персонажа. Данные когнитивные планы состоят из 8 когнитивных признаков, которые связаны между собой и позволяют составить системную классификацию 16 (т. е. 2⁴) типов ономаσιологических портретов. Когнитивные планы являются дихотомичными, т. е. такими, которые оппозитивно работают в парадигме «положительная – отрицательная оценка». Так, если в начале романа «В списках не значился» главный герой Николай Плужников – молодой и неопытный лейтенант, который струсил в первой же атаке, *поддался панике, бросил бойцов и трусливо бежал с позиции, которую было приказано держать во что бы то ни стало* [9, с. 234], то в последнем сюжетобразующем событии перед нами предстает человек, перед которым *немецкий лейтенант звонко и напряженно, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щелкнув каблуками, четко вскинули оружие «на караул». И немецкий генерал, чуть помедлив, поднес руку к фуражке* [9, с. 391].

На **седьмом этапе создания ономаσιологического портрета персонажа** рассматривается динамика образа персонажа. Для ее исследования вводится понятие когнитивной модели, представляющей собой ментальную структуру, набор наиболее типичных представлений о герое художественного произведения, объединенный одной общей ситуацией. В рамках когнитивного моделирования когнитивные планы *успешный / неуспешный, свой / чужой, герой / предатель, активный / пассивный* рассматриваются как некий конструкт, инструмент для интерпретации образа героя художественного произведения, позволяющий глубже исследовать его динамику. Принимая во внимание особенности каждого из когнитивных признаков для конкретного персонажа, мы получаем замкнутую структуру, которую можно представить в виде куба. В данном случае конструктивная «геометрия» образа персонажа определяется на основании количественного распределения номинативного материала и его формально выраженных качественных характеристик.

Так, например, когнитивные признаки, характеризующие старшину Карпенко (герой повести В. Быкова «Жураўліны крык»), по шкале «положительная / отрицательная оценка» на протяжении всей повести являются неизменными со знаком «плюс» (*герой, свой, успешный, активный*).

Аналогичным образом старшины Карпенко с точки зрения когнитивного моделирования выступает образ Витьки Свиста (*свой, герой, активный, успешный*). Это значит, что образы этих двух героев являются одинаковыми на уровне содержательных констатаций. Более того, при создании ономаσιологических портретов старшины Карпенко и Свиста задействованным оказывается один и тот же набор языковых средств. Однако количественное распределение материала по когнитивным признакам для образов данных персонажей показало, что доминирующим признаком для старшины Карпенко является когнитивный признак *активный* (113 номинаций; 40%), а для Свиста – когнитивный признак *свой* (111 номинаций; 44%). Таким образом, конструктивные модели для образов старшины Карпенко и Свиста являются одинаковыми, но наполнение данных моделей различно.

Итоговая когнитивная модель персонажа (старшина Карпенко и Витька Свист)

Общая схема распределения номинативного материала по когнитивным признакам для образов старшины Карпенко и Свиста имеет следующий вид (рисунок).

В границах данной пространственной структуры отражены наиболее общие характеристики ономаσιологического портрета персонажа. Ономаσιологический портрет, таким образом, задается в виде геометрической модели и визуализируется. Когнитивная модель образа персонажа, представленная в виде куба, дает возможность компактно и зримо показать элементы сходства и различия при сравнительной оценке образов героев, представляющих в данном случае образы Карпенко и Свиста.

Таким образом, на разных этапах создания ономаσιологического портрета привлекаются различные произведения, чтобы последовательно ввести в методологию исследования новые лингвистические термины. Это позволяет накапливать и выявлять на каждом уровне создания портрета новые структурно-семантические и языковые данные (в том числе разных языков). Этот факт подтверждают универсальность разработанной методики, т.е. применимость ее к любому художественному произведению. Более того, пошаговое исследование номинативного материала на каждом из этапов создания ономаσιологического портрета дает возможность рассмотреть системные содержательные характеристики персонажа, определить критерии для классификации номинаций и создания ономаσιологического портрета действующих лиц, выделить существенные содержательные черты в структуре образов персонажей, а также получить представление о целостной динамике образов героев художественных произведений.

Список использованной литературы

1. Апресян, Ю. Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография : Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Ю. Д. Апресян (отв. ред.) [и др.]. – М., 2006. – С. 33–74.
2. Березович, Е. Л. Аксиологические ориентиры в зеркале различных форм существования русского языка / Е. Л. Березович // Język w kręgu wartości: Studia semantyczne / pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin : UCS, 2003. – S. 145–163.
3. Березович, Е. Л. Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. – 2000. – Вып. 3: Филология. – №17. – С. 32–41.
4. Березович, Е. Л. Русская национальная личность в зеркале языка (опыт сопоставительного изучения различных лингвокультурологических источников) / Е. Л. Березович // Русский язык в контексте культуры : сб. ст. / Урал. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Купиной (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург, 1999. – С. 34–54.
5. Березович, Е. Л. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры (семантика и грамматика) : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения Н. И. Толстого, Москва, 12–13 мая 2003 г. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – С. 368–383.
6. Бунько, Н. М. Назвы мурашкі, мурашніку і чмяля ў беларускіх народных гаворках / Н. М. Бунько // Беларус. лінгвістыка / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: А.І. Падлужны (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – Вып. 53. – С. 85–92.

7. *Быкаў, В. Сотнікаў / В. Быкаў // Выбранае: для ст. шк. узросту / В. Быкаў. – Мінск : Ураджай, 2001. – С. 245–398.*
8. *Васильев, Б. А зори здесь тихие / Б. Васильев. – М. : Сов. писатель., 1977. – 143 с.*
9. *Васильев, Б. В списках не значился / Б. Васильев. – М. : Дет. лит., 2007. – 393 с.*
10. *Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов ; Акад. наук СССР, Отделение лит. и яз. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.*
11. *Воробьев, В. В. Теоретические и прикладные вопросы лингвокультурологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. В. Воробьев ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 1996. – 40 с.*
12. *Едалина, А. А. Характеристика человека по его отношению к собственности в русских народных говорах / А. А. Едалина // Ономастика и диалектная лексика : сб. ст. / редкол.: М. Э. Рут. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 5. – С. 159–168.*
13. *Еремина, М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Еремина ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.*
14. *Кривошапова, Ю. А. Номинативные особенности ЛСГ «Насекомые» (на материале русских народных говоров) / Ю. А. Кривошапова // Ономастика и диалектная лексика. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – Вып. 5. – С. 169–179.*
15. *Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Леонтьева ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.*
16. *Маліцкі, Ю. В. Анамасыялагічная лінгвагеаграфія беларускіх дыялектных назваў рыб // Ю. В. Маліцкі // Вес. Нац. акад. навук. Сер. гуманіт. навук. – 2012. – № 1. – С. 110–117.*
17. *Пьянкова, К. В. Антропологический код в русской лексике брожения и скисания / К. В. Пьянкова // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования 2001–2004 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; редкол.: А. С. Герд [и др.]. – СПб., 2004. – С. 54–64.*
18. *Телия, В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – С. 36–66.*
19. *Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 285 с.*
20. *Шаблоўскі, А. І. Лексічная анамасыялогія: тыпы матывацыйных адносін / А. І. Шаблоўскі // Беларус. лінгвістыка. – 2007. – Вып. 59. – С. 13–22.*

Поступила в редакцию 17.11.2015